

Чеховъ о Горькомъ.

Въ выходящемъ на-дняхъ 5-мъ томъ „Писемъ Чехова“ находится такое письмо Антона Павловича къ М. Горькому, гдѣ писатель обнаружилъ столько теплаго вниманія къ новому дарованію.

— Вы спрашиваете, какого я мнѣнія о вашихъ рассказахъ,—пишетъ А. П. изъ Ялты въ 1898 г.—Какого мнѣнія? Талантъ несомнѣнный и при томъ настоящий, большой талантъ. Напримѣръ, въ рассказѣ „Въ степи“ онъ выразился съ необыкновенной силой и меня даже зависть взяла, что это не я написалъ. Вы художникъ, умный человѣкъ. Вы чувствуете превосходно, вы пластичны, т. е. когда изображаете вещь, то видите ее и ошупываете руками. Это настоящее искусство. Вотъ вамъ мое мнѣніе, и я очень радъ, что могу высказать вамъ его. Я повторяю, очень радъ, и если бы мы познакомились и поговорили часть-другой, то вы убѣдились бы, какъ я высоко васъ цѣню и какія надежды возлагаю на ваше дарованіе.

Говорить теперь о недостаткахъ? Но это не такъ легко. Говорить о недостаткахъ таланта—это все равно, что говорить о недостаткахъ большого дерева, которое растетъ въ саду; тутъ вѣдь главнымъ образомъ дѣло не въ самомъ деревѣ, а во вкусахъ того, кто смотритъ на дерево. Не такъ-ли?

Начну съ того, что у васъ, по моему мнѣнію, нѣтъ сдержанности. Вы какъ зритель въ театрѣ, который выражаетъ свои восторги такъ несдержанно, что мѣшаетъ слушать себѣ и другимъ. Особенно эта несдержанность чувствуется въ описаніяхъ природы, которыми вы прерываете діалоги... Несдержанность чувствуется и въ изображеніяхъ женщинъ (Мальва, На плотяхъ) и любовныхъ сценахъ. Это не размахъ, не широта кисти, а именно несдержанность... Въ изображеніяхъ интеллигентныхъ людей чувствуется напряженіе, какъ-будто осторожность; это не потому, что вы мало наблюдали интеллигентныхъ людей; вы знаете ихъ, но точно не знаете, съ какой стороны подойти къ нимъ.

Сколько вамъ лѣтъ? Я васъ не знаю, откуда и кто вы; но мнѣ кажется, что вамъ, пока вы еще молоды, слѣдовало бы покинуть Нижній и года два—три пожить, такъ сказать, потерѣться около литературы и литературныхъ людей; это не для того, чтобы у нашего пѣтуха поучиться и еще болѣе наостриться, а чтобы окончательно, съ головой влѣзть въ литературу и полюбить ее, къ тому же провинція рано старить. Короленко, Потапенко, Маминъ, Эртель—это превосходные люди; въ первое время, быть можетъ, вамъ покажется скучновато съ ними, но потомъ черезъ годъ—два привыкнете и оцѣните ихъ по достоинству, и общество ихъ будетъ для васъ съ пихвой окупать непріятность и неудобство столичной жизни...”

„Не изображайте никогда земскихъ начальниковъ,—рекомендуетъ Чеховъ въ другомъ письмѣ.—Нѣтъ ничего легче, какъ изображать несимпатичное начальство; читатель любитъ это, но это самый непріятный, самый бездарный читатель. Къ фигурамъ новѣйшей формации, какъ замскій начальникъ, я питаю такое же отвращеніе, какъ къ „флирту“, и потому, быть можетъ, я не правъ. Но я живу въ деревнѣ. Я знакомъ со всѣми земскими начальниками своего и сосѣднихъ уѣздовъ, знакомъ давно и нахожу, что ихъ фигуры и ихъ дѣятельность совсѣмъ не типичны, вовсе неинтересны—и въ этомъ, мнѣ кажется, я правъ...” („Бир. Вѣд.“).